

Ономастическая метафора в «Былом и думах» А. И. Герцена*

Р. И. ВОРОНЦОВ

Кафедра иностранных языков, Петербургский государственный университет путей
сообщения Императора Александра I, Московский пр., д. 9, RU-190031 Санкт-Петербург
E-mail: vorontsov@pgups.ru

(Received: 7 October 2017; accepted: 30 November 2017)

Abstract: The present paper comprises a comprehensive study of the metaphoric use of proper names in a prominent piece of Russian memoirs – *My Past and Thoughts* by Alexander Herzen. Having been established as a regular semantic phenomenon in the Russian literary language by the middle of the 19th century, the onomastic allusive metaphor was fully accepted by Herzen with the whole spectrum of its conceptual, syntactic, evocative, and cognitive capabilities. Aligned with Herzen’s “explanatory metaphor”, his proper name allusions also play a noticeable part in both structuring the writer’s worldview and in the evolution of the text. Other peculiarities of Herzen’s onomastic allusive metaphor include a wide extension of the corpus of proper names used and the enrichment of their contextual representation. The findings presented in the paper are supported by a thorough analysis of vast linguistic material.

Keywords: Russian, proper names, metaphor, Alexander Herzen, onomastics

1. Русская ономастическая метафора в XVIII веке – первой половине XIX века

Метафорическое употребление имен собственных (ИС), характерное для современного русского литературного языка начиная с эпохи его формирования, не было таковым на всем протяжении его развития. В допушкинскую эпоху метафоризация исторически знаменательных имен происходила лишь sporadически, и только к середине XIX века этот семантический процесс приобретает регулярный характер.

Истоки русской ономастической метафоры (ОМ) обнаруживаются еще в XVIII веке – эпохе «открытия» европейских культурных достижений русским обществом. Именно тогда складывается такой прием высокого стиля, как антономазия, кодифицированная в «Риторике» М. В. Ломоносова: «*Самсон* или *Геркулес* вместо *сильного*, *Крез* вместо *богатого*, *Цицерон* вместо *красноречивого*»¹ (Ломоносов 7: 248). Чаще всего метафоризации в эпоху классицизма подвергаются имена античного происхождения, а также имена деятелей и героев французского Просвещения. Основные разновидности ОМ

* Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00032 «Лексико-семантические новации в русском языке XIX в.».

¹ Здесь и далее в цитатах: курсив – Р. В.

связаны в это время с употреблением классических имен-символов в строго предписанном значении² и в восхвалении деятелей и (особенно часто) литераторов современности через сопоставление их с великими предшественниками (ср. знаменитую характеристику, данную Ломоносову А. П. Сумароковым: «Он наших стран Мальгерб, он Пиндару подобен»).

Во второй половине XVIII в. ОМ оказывается востребованной и в языке сентименталистов, «новом слоге», основанном на речи дворянского салона, и (реже) в журнальной прозе 60–70-х годов, ориентированной на употребление «языка обыкновенных разговоров» и заложившей основы художественного метода реализма. Обилие ОМ в ранних произведениях Н. М. Карамзина обусловлено перифрастичностью и эмоциональностью «нового слога». Карамзин продолжает использовать «высокую» поэтическую антономазию, но, извлекая ее из торжественно-панегирического контекста, снижает риторический накал: «Ныне был я у старика Рамлера, *немецкого Горация*. Самый почтенный немец!» (КАРАМЗИН 1984: 44).

Более того, в «Письмах русского путешественника» появляются и сугубо разговорные образцы ОМ, связанные с метафоризацией имен современников, построением однородных рядов, состоящих из ОМ, приданием ОМ негативной экспрессии. Исток подобного употребления, скорее всего, лежит в русской разговорной речи XVIII века и обнаруживает себя, например, в таком образце выражения русской «щеголихи» (дворянки французского воспитания): «После покойного старичка, моего батюшки, досталось мне книг очень много, только, по чести, я ни одной не беру в руки. Божусь тебе, что, принявшись за одну, провоняла было сухою моралью: об заклад бьюсь, что ты не отгадаешь, какие это книги? – *все Феофаны да Кантемиры, Телемаки, Роллены, Летописцы и всякий эдакий вздор*» («Трутень») (Новиков 1983: 95).

Творческое переосмысление риторической и разговорной традиций ОМ писателями и поэтами первой четверти XIX века, когда происходит общее раскрепощение языковой практики, смешивается высокое и низкое, – привело к слиянию этих традиций. ОМ сохраняет в себе и яркую экспрессию, и риторический потенциал, становясь «нормой художественного выражения эпохи» (Филин 1981: 114).

В литературной критике этого времени еще сильна традиция приписывать писателям-современникам громкие имена предшественников. При этом чаще всего подобного рода похвалы раздаются или ошибочно, или незаслуженно. Так, например, Пушкин с легкой руки Н. А. Полевого, восторгавшегося ранними произведениями поэта, долго воспринимался не иначе, как «северный Байрон», а «высокопарные прозвища» (Пушкин 7: 70) типа *русский Пиндар, Гораций, Анакреон, Парни, Ламартин* и др. щедро раздавались критиками многочисленным (и часто весьма посредственным) литераторам.

² Например, в «Словаре пиитико-исторических примечаний» А. Д. Байбакова (Аполлоса) предписывается употреблять имя *Аргус* в значении «начальника тщательного и прозорливого», имя *Купидон* – «в означение любострастием зараженной души, которая слепо на всякое зло подобно стреле стремится» и т. д. (АПОЛЛОС 1781).

Кризис подобной литературной номенклатуры стал частным проявлением общего кризиса старых литературно-языковых традиций и оказал важное влияние на развитие русской ОМ. Уже в 30-е годы риторическая антономазия воспринимается как безжизненная фраза со стертой образностью, не имеющая реального значения и лишь загромождающая текст.

В 30–40-е годы XIX в. развитие литературного языка определяют журнально-публицистические жанры. Центром притяжения литературно-критической, публицистической и философской жизни образованного общества становится фигура В. Г. Белинского, а излюбленным средством выразительности критика оказывается именно ОМ. На страницах своих статей Белинский создает десятки новых метафор, основанных на именах современных ему литературных персонажей: «В самом деле, *Онегин*, *Ленский*, *Татьяна*, *Зарецкий*, *Репетилов*, *Хлестаков*, *Тугоуховский*, *Платон Михайлович Горич*, княжна *Мими*, *Пульхерия Ивановна*, *Афанасий Иванович*, *Шиллер*, *Пискарев*, *Пирогов*: разве все эти собственные имена теперь уже не нарицательные? И, боже мой! как много смысла заключает в себе каждое из них! Это повесть, роман, история, поэма, драма, многотомная книга, короче: *целый мир в одном, только в одном слове!*» (Белинский 1: 173–174).

Смысловая многогранность и неоднозначность ОМ – яркая примета идиостиля Белинского. Если согласно предыдущей традиции ОМ должна была стремиться к конвенциональному значению, быть понятной и легко поддаваться истолкованию, то теперь постулируется, что метафоризации могут подвергаться и такие имена, семантика которых не исчерпывается одной характеристикой, имена, открытые к различным толкованиям, а значит, всецело обусловленные контекстом. Отныне ОМ – это не ярлык, который присваивается человеку, предмету или явлению, это средство познания действительности, открывающее перед познающим субъектом бесконечную перспективу смыслового варьирования.

Еще одним достижением В. Г. Белинского применительно к ОМ становится завершение разработки типовой сочетаемости отонимных метафорических дериватов. Регулярный статус приобретают такие речевые модели ОМ, как «*новый + ИС*», «*второй + ИС*», «*русский + ИС*», «*какой-нибудь + ИС*», «*наш + ИС*», «*будущий + ИС*», «*современный + ИС*», «*ИС + род. п.*», «*все эти + ИС* в форме мн. ч.» и проч. Многие из этих контекстов существовали и ранее, но сейчас, в эпоху демократизации русской речи, они закрепляются в семантико-синтаксической системе. Публицистика 30–40-х гг. становится сосудом, в котором перемешиваются разнородные традиции и вырабатывается система речевых моделей ОМ, существующая в почти неизменном виде по сей день.

Итак, к середине XIX в. ОМ становится регулярным механизмом номинации, общепринятым средством выразительности и – что особенно важно – способом познания действительности. Дальнейшая история этого семантического явления определяется не столько лингвистическими (структура, семантика, генезис), сколько экстралингвистическими факторами, связанными с его социокультурной обусловленностью.

2. Новации А. И. Герцена в области метафорического употребления собственных имен

Вторая половина XIX в. в истории русского литературного языка – время господства публицистики, в которой одно из центральных мест – как по степени влияния на умы читающей публики, так и по богатству и стилистическому многообразию языка – по праву принадлежит А. И. Герцену. В августе 1852 г. Герцен, переживший ряд личных трагедий и разочарованный последствиями революционных выступлений 1848 г., прибывает в Лондон. Практически сразу он начинает работу над «Былым и думами» и будет продолжать ее в течение 15 лет. Книга сложнейшей жанровой природы («надгробный памятник и исповедь, былое и думы, биография и умозрение, события и мысли, слышанное и виденное, наболевшее и выстраданное, воспоминания и... еще воспоминания» – ГЕРЦЕН 12: 451), распадающаяся на фрагменты и эпизоды, но в то же время спаянная воедино колоссальной творческой личностью своего создателя, «Былое и думы» заключают в себе широчайшую перспективу общественной, политической, культурной жизни России и Западной Европы, пропущенную через сознание автора и переданную с поразительной откровенностью, эмоциональностью и литературным мастерством.

«Герцен – великий стилист», – пишет Л. Я. Гинзбург и поясняет: «Отдельное словосочетание герценовской прозы часто живет не только в контексте, но живет еще и как некий законченный образ, как особая смысловая структура» (Гинзбург 1957: 161). Смысловая насыщенность слова в «Былом и думах» (и особенно – метафоры) позволяет сказать много малыми средствами, поднимает созданный образ над контекстом и делает его незаменимым элементом всего грандиозного замысла.

Широкий исторический фон с большим количеством действующих лиц, равно как и личностный характер повествования, служат хорошими предпосылками для использования в «Былом и думах» ОМ. И Герцен, действительно, часто прибегает к этому приему: по тексту рассыпано более 300 подобных словоупотреблений. ОМ в «Былом и думах» – разновидность «*объясняющей метафоры*» Герцена, когда «столкновение понятий... порождает далеко расходящиеся ряды ассоциаций, заставляет читателя с молниеносной быстротой перебирать множество пропущенных звеньев» (Гинзбург 1957: 183).

Герцен в полной мере воспринимает традицию метафорического употребления ИС, существовавшую на тот момент в русской словесности. ОМ у него – это и риторический прием, и средство выражения личной оценки (восхищения, иронии, презрения), и способ интерпретации действительности. В то же время Герцен привносит в существующую традицию новые черты. Эти новации, прежде всего, характеризуют идиостиль писателя, но идейный и художественный уровень ОМ Герцена, безусловно, является прецедентом в истории русского литературного языка.

Итак, во-первых, Герцен значительно расширяет *круг переосмысленных имен*, черпая их из различных сфер русской и западноевропейской культуры,

в том числе из современной ему действительности. Источники герценовских ОМ поистине многообразны: от античности до середины XIX в., от Библии до научных сочинений Нового времени, от Америки до Китая.

Во-вторых, Герцен усиливает *контекстную выразительность* ИС, у них возникают новые фразеологические связи. Воспринятая Герценом, система речевых моделей ОМ получает новое развитие: усложняется структура некоторых моделей, формируется особая – «герценовская» – модель однородного ряда ИС.

И в-третьих, ОМ в «Былом и думах» впервые полностью раскрывает свой *текстообразующий потенциал*. Метафорически переосмысленные они-мы участвуют в выстраивании композиции и идейного содержания произведения, а радиус действия таких метафор – и образов, ими создаваемых, – нередко распространяется на весь текст «Былого и дум».

3. Семантика ономастической метафоры в «Былом и думах» и ее текстообразующий потенциал

По типу источника ОМ, употребляемые в «Былом и думах», можно разделить на 6 классов: 1) античные, 2) библейские, 3) литературные, 4) исторические, 5) современные, 6) географические. Все они в равной мере значимы для текстообразования и выполняют важную стилистическую и объясняющую роль.

3.1. Античные ОМ. Герцен активно использует традиционный для русской ОМ источник – ИС из античной истории, мифологии и литературы. Среди них: имена исторических личностей (*Алкивиад, Брут, Гракхи, Демосфен, Мессалина, Муций Сцевола, Регул, Сенека, Сулла, Ульпиан, Фабриций, Цинциннат, Цицерон*), мифологические имена (*Аполлон, Бриарей, Вулкан, Геркулес, Дидона, Ифигения, Нептун, Прозерпина, Прометей, Сатурн, Силен, Телемак*), географические названия (*Авентинская гора, Лациум*), названия литературных произведений (*Илиада, Одиссея*), названия исторических событий (*Каудинские фурулы, Спартаковское восстание*).

В то же время по своему подтексту подобные словоупотребления у Герцена далеки от старой традиции ОМ. Так, говоря о самом себе в юности, Герцен пишет: «...верил..., что я будущий „Брут или Фабриций“» (Герцен 8: 69). Писатель имеет в виду свои детские политические взгляды (Брут – освободитель Рима от власти Цезаря, Фабриций – политик времен Римской республики, прославившийся гражданской честностью), но, фиксируя форму высказывания (кавычки, союз *или*), Герцен апеллирует к «Современной песне» Д. В. Давыдова, где высмеиваются те, кто на словах «корчит либерала»: «А глядишь: наш Лафайет, / *Брут или Фабриций* / Мужиков под пресс кладет / Вместе с свекловицей». Взрослый взгляд на собственные детские устремления сопровождается чувством теплой иронии, которая создается за счет многослойной ОМ.

Имя *Прометей*, употреблявшееся в переносном значении еще в XVIII века, у Герцена в разных контекстах предстает в разных значениях и с поллярными экспрессивными оттенками. «*Прометеем Воробьевых гор*» (Герцен 8: 81) писатель называет А. Л. Витберга, предложившего Александру I проект храма Христа Спасителя на Воробьевых горах в Москве. Проект был одобрен, а Витберг, молодой художник, назначен директором комиссии по постройке. Рассказывая о предстоящем «мученичестве» архитектора, Герцен пишет: «Александр не знал, что вместе с лавровым венком он надевает и терновый на голову артиста» (Герцен 8: 279). В результате Витберга оклеветали его подчиненные, и со смертью императора Александра он был разорен и сослан в Вятку, где и встретился с Герценом. Преклоняясь перед талантом и благородством Витберга, Герцен панегирически нарекает его Прометеем, основывая метафору на семантике мученичества и ассоциативном сближении Воробьевых гор с горами Кавказа, к которым был прикован античный герой.

Другой пример метафорического употребления имени *Прометей* в «Былом и думах» связан с приемами в Московском университете ученого и путешественника А. фон Гумбольдта в 1829 г. и товарища министра народного просвещения С. С. Уварова в 1832 г. Во время приема Гумбольдта С. Н. Глинка прочел стихотворение со словами: «Humboldt – Prométhée de nos jours!» (Гумбольдт – Прометей наших дней), имея в виду то, что ученый, подобно Прометею, похитившему у богов огонь и передавшему его людям, приносит человечеству божественное знание о природе. Выстраивая параллель к визиту Уварова, Герцен пишет: «Второй „знаменитый“ путешественник был тоже в некотором смысле „*Промифей наших дней*“, только что он свет крал не у Юпитера, а у людей» (Герцен 8: 126). Сарказм в отношении Уварова, выражаемый Герценом с помощью данной ОМ, сопровождается иронией по поводу неизбывной русской привычки раболепствовать перед знаменитостями. Устаревшая форма имени *Промифей* и кавычки отсылают к стихотворению Глинки, прочитанному «голосом тысяча восьмисот двенадцатого года» и совершенно, по мнению Герцена, неуместному для приема Гумбольдта – ученого, а не «его превосходительства».

Неожиданный пример «скрытой» ОМ находим в употреблении имени *Телемак* по отношению к безалаберному русскому матросу, застрявшему в Лондоне и обратившемуся к Герцену за помощью. Потратив данные Герценом деньги и упустив предоставленную возможность, матрос вернулся к писателю вместе с одним польским эмигрантом, чтобы с помощью последнего потребовать нового одолжения. Герцен выпроводил обоих: «Ругая меня сквозь зубы, отправился он [поляк – Р. В.] с своим *Телемаком*, вероятно, до первого кабака» (Герцен 11: 197). Используя имя *Телемак*, Герцен «наводит» еще одну ОМ – *Ментор* – по отношению к польскому эмигранту (Ментор – воспитатель Телемака, сопровождавший его в пути). Не будучи названным, имя *Ментор*, несомненно, присутствует в подтексте, без этой посылки читателю не будет понятна метафора *Телемак*.

Примером композиционно значимой для «Былого и дум» античной ОМ служит номинация Карла Таузуенау (имя зашифровано инициалом «Т»), австрийского революционера в лондонской эмиграции, именем Силена – античного мифологического божества, спутника Вакха, обычно изображавшегося толстым, лысым, постоянно пьяным стариком: «*Тучный, лоснящийся Силен*, о котором Мащини как-то сказал: „Мне все кажется, что его поджарили на оливковом масле и не оттерли“, еще не покидал своего ложа. [...] *Разъяренный Силен* не хотел остаться в долгу...» (Герцен 11: 203). Создавая образ Таузуенау, с помощью ОМ Герцен вкладывает в него свою горькую иронию по поводу отвратительного сюжета, связанного с деньгами, шпионажем, доношением и распространением сплетен, который произошел между Таузуенау и другим австрийским эмигрантом – Нидергрубером. ОМ, тесно связанная с персонажной сферой произведения, прочно прикрепляется к своему референту, не названному по имени, вписывая его в содержательно-концептуальную канву текста именно под метафорической номинацией.

3.2. Библейские ОМ. Данная группа ОМ не столь многочисленна и она представлена исключительно антропонимами – из Ветхого (*Авраам, Агарь, Адам, Голиаф, Давид, Даниил, Иов, Иродиада, Исаак, Лот, Ной, Саул*) и Нового заветов (*Лазарь, Лука, Магдалина, Матфий*). Тем не менее, библейские метафоры играют важнейшую роль в интерпретации Герценом действительности, с чем связана устойчивость некоторых из них в тексте «Былого и дум» и – шире – в идиостиле писателя.

Передавая речь своего пожилого отца, И. А. Яковлева, жалующегося на здоровье, Герцен регулярно использует имя пророка Иова: «Я, ты знаешь: одна нога в гробу, бездна забот, болезни, ну, *Иов многострадальный*» (Герцен 9: 180). Устойчивостью характеризуется и номинация Николая I именем библейского царя *Саула* («*наш невский Саул*»), известного проявлениями жестокости и безрассудства: «Подумайте же, что теперь делается; *наш Саул* совсем сошел с ума после 1848» (Герцен 11: 395).

Частотной для Герцена является ОМ *Даниилы*, отсылающая к имени пророка Даниила, учившего о торжестве Царства Божия над язычеством и неспособности языческих царей быть владыками мира. Так, в восьмой части «Былого и дум» очерк под названием «Даниилы» посвящен обличителям Второй французской империи: «Не сговариваясь в своих ссылках и удалениях, эти вемические судьи и *Даниилы* произнесли свой приговор, зная, что он не будет исполнен» (Герцен 11: 503). В значении ‘обличители’ ОМ *Даниилы* встречается и в других текстах Герцена. В частности, в одной из статей 1860 года писатель рассуждает о «желчевиках» – озлобленных и желчных «лишних людях» николаевской эпохи: «Жизнь... не может выносить наводящие уныние лица *невских Даниилов*, мрачно упрекающих людей, зачем они обещают без скрежета зубов и, восхищаясь картиной или музыкой, забывают о всех несчастьях мира сего» (Герцен 14: 322). «Желчевикам» свойственно раздражительное и болезненное самолюбие, любовь к «бесконечным исповедям и рассказам о нервных событиях своей жизни». Поэтому, уже в «Былом

и думах», Герцен обозначает их с помощью другой библейской ОМ: «Стоило вместо возраженья и сострадания согласиться с кающимся, чтоб увидеть, как легко уязвляемы и как беспощадно мстительны *эти Магдалины обоих полов*» (ГЕРЦЕН 10: 345). Две ОМ с общей референцией позволяют Герцену глубоко и нетривиально интерпретировать конкретное общественное явление.

Особый интерес представляют библейские ОМ, которые иногда образуют целые прецедентные ситуации, переносимые Герценом на современную ему действительность. Так, описывая митинг, на котором шотландский дипломат Д. Уркварт во время своего выступления обвинил Дж. Маццини, видного деятеля итальянской революции, в связях с российским правительством, Герцен, вслед за самим оратором, использует ОМ: «Уркуард... не продолжал больше своего чтения в этот день. При имени Маццини поднялся такой гомерический смех, что сам *Давид* заметил, что *итальянского Голиафа* он не сбил своей пращей, а себе свихнул руку» (ГЕРЦЕН 11: 159). Особенность этой метафоры в том, что перенесенное имя совпадает с именем референта – Давид Уркварт, – которому таким образом, очевидно, удалось смягчить неловкость ситуации.

Излюбленный библейский сюжет Герцена, регулярно проецирующийся на описываемые события посредством ОМ, – жертвоприношение Исаака. ОМ *Исаак* встречается в «Былом и думах» трижды. *Исааками* называет Герцен друзей и агентов Маццини и Ледрю-Роллена, посылаемых ими из Лондонской эмиграции в Италию и Францию «на заклятие» (ГЕРЦЕН 11: 28). *Исааками книгопечатания* называются издатели, выпустившие в Лондоне брошюру «какого-то Адамса» о возможности тираноубийства и отданные за это под суд (ГЕРЦЕН 11: 119). В третьем примере (из главы «*Camicià rossa*») разворачивается целая метафорическая ситуация: «*Семидесятипятилетний Авраам*, судившийся месяца два тому назад за какие-то шашни с *новой Агарью*, принес на жертву *своего галифаксского Исаака*» (ГЕРЦЕН 11: 263). Речь идет о принятии английским премьер-министром Дж. Палмерстоном (*Авраамом*) отставки своего сторонника Дж. Стансфилда (*Исаака*) – члена парламента от Галифакса, ложно обвиненного французской прокуратурой в соучастии в подготовке покушения на Наполеона III (*Агарь*), в угоду которому вынуждено действовать английское правительство. Развернутая ОМ вступает здесь в контекстные отношения с двумя другими развернутыми ОМ, выстраивающими композицию и структурирующими идейное содержание текста (об этом подробнее см. ниже).

3.3. Литературные ОМ. Одним из важнейших источников ОМ в «Былом и думах» являются имена литературных персонажей. Довольно узкий круг имен из русской литературы (по сравнению с западноевропейской) компенсируется регулярностью их употребления. Так, Герцен использует ОМ на основе имен персонажей А. С. Грибоедова (*Репетилов*, *Скалозуб*, *Фамусов*, *Чацкий*), А. С. Пушкина (*Каменный гость*, *Ларины*, *Ленский*, *Онегин*), И. С. Тургенева (*Пеночкин*). Особое место в этом ряду занимают произведения Н. В. Гоголя (*Михеусев*, *Ноздрев*, *Собакевич*, *Хлестаков*).

Характеризуя «Мертвые души» как «удивительную книгу», Герцен пишет в своем «Дневнике» о персонажах Гоголя: «Портреты его удивительно хороши, жизнь сохранена во всей полноте; не типы отвлеченные, а добрые люди, которых каждый из нас видел сто раз» (Герцен 2: 214). «Гоголевские» ОМ, вошедшие в широкое употребление в эпоху Белинского, употребляются Герценом и в обобщенном значении, и применительно к конкретным людям.

Критикуя членов московского Английского клуба эпохи Александра II и представителей молодой русской эмиграции 60-х годов, Герцен называет их Собакевичами и Ноздревыми, ср.: «Говорят, Москва... состарелась, не пережила Николая; ...ее Английский клуб сделался всего менее английским, ...в нем *Собакевичи* кричат против освобождения и *Ноздревы* шумят за естественные и неотъемлемые права дворян» (Герцен 9: 156) и «Эти более свирепые, о которых я сказал, были те ультра, те угловатые и шершавые представители „нового поколения“, которых можно назвать *Собакевичами* и *Ноздревыми нигилизма*» (Герцен 11: 350). В обоих случаях гоголевские имена помогают Герцену выразить иронию и огорчение, связанные с тем, что, казалось бы, наиболее прогрессивные общественные явления российской жизни оказываются несвободны от инерции старой культуры крепостничества.

Конкретные применения Герценом «гоголевских» ОМ обуславливаются внешним и характерологическим сходством описываемых лиц с литературными персонажами. Например, внешность и манера поведения немецкого публициста К. Гейнцена описывается так: «Наружность Гейнцена, *этого Собакевича немецкой революции*, была угрюмо груба; сангвинический, неуклюжий, он сердито поглядывал исподлобья и был не речист» (Герцен 10: 60). Говоря о характере и виде деятельности русского публициста в эмиграции И. Г. Головина, Герцен пишет: «Головин – русский офицер, французский *bretteur, hâbleur* [фр. ‘бахвал’ – Р. В.], английский *свиндлер* [англ. ‘мошенник’ – Р. В.], немецкий юнкер и *наш отечественный Ноздрев, Хлестаков in partibus infidelium* [лат. ‘в стране неверных’ – Р. В.]» (Герцен 11: 405).

Круг метафорических имен из западноевропейской литературы в «Былом и думах» очень обширен. Это имена немецких (Виланд: *Агатон*; Гете: *Вертер*, «*Лацерта*», *Мефистофель*, *Миньона*, *Фауст*; Шиллер: *Веринна*, *Маркиз Поза*, *Рафаил*, *Фиеско*; Лафонтен: *Зондерлинг*), французских (Мольер: *Трисотин* и *Вадюс*; Луве де Кувре: *Фоблаз*; Аббат Прево: *Манон Леско*; Сантин: *Гаэтана*; Бомарше: *Фигаро*; Жорж Санд: *Теверино*; Гюго: *Квазимодо*), английских (Шекспир: *Гамлет*, *Гонерилля*, *Корделия*, *Король Лир*, *Офелия*, *Шейлок*; Дефо: *Робинзон*; Ричардсон: *Ловлас*; Байрон: *Мазепа*, *Манфред*, *Чайльд-Гарольд*), испанских (Сервантес: *Дон-Кихот*, *Дульцинея*) и итальянских (Данте: *Виргилий*) литературных персонажей, а также фольклорных героев (*Рейнеке-Фукс*, *Синяя борода*).

Некоторые из перечисленных ОМ встречаются в «Былом и думах» неоднократно. Так, для иронической характеристики сентиментального влюбленного Герцен регулярно использует имя гетевского *Вертера*. ОМ *Рауль Синяя Борода* употребляется в тексте как в привычном ‘муж-истязатель’, так

и в окказиональном значении – ‘властный и высокомерный человек’: «Рика-соли отвечал *дерзко, высокомерно*, как подобает последнему представителю *Рауля Синей Бороды, средневековому графу и феодалу...*» (ГЕРЦЕН 11: 479). Еще одной частотной ОМ становится использование имени *Фигаро*. По мнению М. К. Максимовой, одной из первых специально исследовавшей метафоризацию ИС у Герцена, в образе Фигаро писатель раскрывает новые черты, которых нет в комедии Бомарше: «Это уже не просто ловкий, независимый, остроумный, энергичный представитель третьего сословия. Ловкость его соединяется с предательством» (МАКСИМОВА 1968: 364). Такая трактовка образа подтверждается данными «Былого и дум». «*Старым Фигаро времен Людовика-Филиппа*» (ГЕРЦЕН 11: 512) Герцен называет А. Тьера, премьер-министра Июльской монархии, перешедшего от своих вольнолюбивых взглядов на консервативные политические позиции, – переход, для Герцена равный предательству. Кроме того, в обобщенном значении имя Фигаро Герцен присваивает шпионам и осведомителям, окружавшим Гарибальди во время его визита в Лондон в 1864 г.: «В первый раз как я был у Гарибальди в Стаффорд гаузе, придворная интрига около него бросилась мне в глаза. *Разные Фигаро и фактотумы*, служители и наблюдатели сновали беспрерывно» (ГЕРЦЕН 11: 271). Оттенок предательства, имплицитный Герценом в семантику имени *Фигаро*, скорее всего, следует признать особенностью авторского идиостиля. В узусе (особенно современном) *Фигаро* употребляется в значении ‘расторопный человек’ (под влиянием крылатого выражения «Фигаро здесь, Фигаро там»; см. БЕРКОВ–МОКИЕНКО–ШУЛЕЖКОВА 2005: 520).

Текстообразующий потенциал ОМ реализуется в следующем примере. Рассказывая о своей первой юношеской любви к Людмиле Пассек, Герцен не называет ее по имени, ибо при написании мемуаров ему «важно закрепить единственность своей любовной привязанности» к Н. А. Захарьиной (ЖЕЛВАКОВА 2010: 64). Л. В. Пассек остается на страницах «Былого и дум» под именем Гаэтаны – героини романа Сантина «Изувеченный», жертвующей всем для своего несчастного возлюбленного – поэта, лишенного рук и языка (а значит, и возможности выразить свои мысли) за пасквиль на папу Сикста V. Романтический образ юности, созданный с помощью ОМ, остается близким Герцену и в зрелые годы, хотя интерпретируется по-другому: страстный порыв, готовность к подвигам и жертвам сменяется нежной лиричностью воспоминания: «И неужели ты, *моя Гаэтана*, не с той же ясной улыбкой вспоминаешь о нашей встрече, неужели что-нибудь горькое примешивается к памяти обо мне через двадцать два года? Мне было бы это очень больно. И где ты? И как прожила жизнь?» (ГЕРЦЕН 8: 332). Имя *Гаэтана*, таким образом, метафорически заменяя в тексте «Былого и дум» имя Л. В. Пассек, создает художественный образ персонажа, расширяя радиус своего действия на весь текст мемуаров в его композиционной целостности.

Важное место в выстраивании идейного содержания «Былого и дум» занимают и ОМ, основанные на именах персонажей Ф. Шиллера. Они концентрируются в первой части, где речь идет о юности Герцена и его дружбе

с Н. П. Огаревым: «Я писал к Нику [Огареву – Р. В.], несколько озабоченный тем, что он слишком любит Фиеско, что за „всяким“ *Фиеско стоит свой Верринна*» (Герцен 8: 84). Герцен зачитывается Шиллером и ассоциирует себя с его героями: «*Мой идеал был Карл Моор*, но я вскоре изменил ему и *перешел в маркиза Позу*» (Герцен 8: 84). В подобных контекстах создаются предпосылки для метафоризации ИС, а значимость таких метафор для замысла мемуаров определяется тем, что через ассоциации с героями Шиллера Герцен показывает собственное взросление, формирование мировоззрения. Ср. в «Записках одного молодого человека»: «Нет, я не оставлю привычки перечитывать, по этому я наглазно измеряю свое возрастание, улучшение, падение, направление. Прошли годы первой юности, и над Моором, Позой выставлялась мрачная, задумчивая тень Валленштейна, и выше их парила дева Орлеанская; прошли еще годы – и Изабелла, дивная мать, стала рядом с гордой девственницей» (Герцен 1: 279).

Еще одной ведущей ономастической линией в «Былом и думах» становятся метафоры, отсылающие к шекспировским образам. «Велик, необъятен Шекспир! [...] Что это за сила гения так уловить жизнь во всей необъятности ее от Гамлета до могильщика!» (Герцен 22: 65), – пишет Герцен жене в 1839 году. Неслучайно, что при такой оценке Герцен использует имена персонажей Шекспира в ключевых и, как правило, трагических эпизодах своих воспоминаний.

Тяжело переживая подавление декабристского восстания, Герцен сопоставляет его с распятием Христа и французской гильотиной, когда только женщины оказывались способными сочувствовать приговоренным. «Одни женщины не участвовали в этом позорном отречении от близких... и у креста стояли одни женщины, и у кровавой гильотины является... Люсиль Демулен, *эта Офелия революции*, бродящая возле топора...» (Герцен 8: 59). Жена К. Демулена, оставшаяся верной памяти и делу своего казненного мужа, была гильотинирована спустя неделю. С помощью ОМ Герцен создает глубоко трагический образ женщины, принимающей смерть не в силах изменить своему чувству.

Приступая к рассказу о самом тяжелом периоде своей жизни – 1848–1852 годах, – Герцен описывает «изящное сновидение» – демонстрацию в Риме 21 марта 1848 года, когда он и его единомышленники были опьянены открывавшимися перспективами. Но через восемь лет, после всех разочарований Герцен скажет о том «сновидении»: «Долго спать все же нельзя было; *неумолимый Макбет действительной жизни* заносил уже свою руку, чтоб убить „сон“...» (Герцен 10: 28). Герцен апеллирует к известной строке: «Рукой Макбета зарезан сон!» (Шекспир: Макбет, акт II, сц. 2). Создаваемая ОМ не имеет четкой референции, благодаря чему образ безжалостного убийцы приобретает поистине космический масштаб.

«Шекспировскими» ОМ обрамлена глава «*Camicia rossa*» [итал. ‘красная рубашка’ – Р. В.], посвященная визиту в Лондон Дж. Гарибальди. Случайное совпадение (день вынужденного отъезда Гарибальди из Англии совпал

с днем празднования трехсотлетия Шекспира) дает Герцену повод для неожиданных и ярких метафорических параллелей: «Какая-то шекспировская фантазия пронеслась перед нашими глазами на сером фоне Англии, с чисто шекспировской близостью великого и отвратительного, раздирающего душу и скрипящего по тарелке» (ГЕРЦЕН 11: 254). Встреченный англичанами с невероятным энтузиазмом, герой Рисорджименто, с другой стороны, оказался в центре политического противостояния либерального премьер-министра Палмерстона и консервативной партии, подогреваемого Францией и Наполеоном III. Результатом интриг стала, по сути, высылка Гарибальди из Англии под предлогом его выдуманной болезни.

Апеллируя к Шекспиру, Герцен уподобляет изгнанного героя королю Лиру: «Ступай на свою скалу, плебей в красной рубашке и *король Лир! Гонерилья* тебя гонит, оставь ее, у тебя есть бедная *Корделия*, она не разлюбит тебя и не умрет!» (ГЕРЦЕН 11: 291). Смысл этой развернутой ОМ становится ясен, если учесть, что весь очерк «*Camicià rossa*» – это «попытка создать безупречный и могучий образ народного героя», своего рода «апофеоз» (Гинзбург 1957: 344). Герцен выстраивает образ короля Лири-Гарибальди, гонимого английским правительством – Гонерильей, но горячо поддерживаемого народом – Корделией. ОМ, таким образом, становится ключевым языковым и историко-культурным ресурсом, на котором базируется содержательно-концептуальная информация текста очерка.

3.4. Исторические ОМ. Группа исторических ОМ в «Былом и думах» наиболее многочисленна и разнообразна и состоит, прежде всего, из антропонимов. Среди исторических ОМ русского происхождения выделяются группы имен политических и религиозных деятелей (*Аракчеев, Бирон, Екатерина [II], княгиня Дашкова, Перекусихина, Филарет, Шемяка*) и деятелей военной истории (*Ермолов, Лашкевич, Сеславин, Суворов, Фигнер*). Западноевропейские исторические антропонимические метафоры представлены именами деятелей культуры, философов, художников, писателей, ученых, общественных деятелей (*Вагнер, Вольтер, Гете, Клод Лоррен, Махиавелли, Неккер, Пик де ла Мирандоль, Расин, Рафаэль, Талма, Шекспир, Шеридан*), именами политических, религиозных деятелей (*Гемпден, Кальвин, Лукреция Борджиа, Наполеон, О'Коннель, Прочида, Риензи, Талейран, Фокс, Штейн*). Отдельно нужно обозначить концептуально значимую группу имен деятелей Великой французской революции (*Гош, Дантон, Демулен, Карье, Колло д'Эрбуа, Марсо, Робеспьер, Сен-Жюст, Теруань де Мерикур, Шарлотта Корде*). Важную для идиостиля Герцена группу исторических ОМ образуют названия военных событий – побед, поражений и перемирий (*Арколи, Ватерлоо, Кампо-Формио, Каудинские фуруклы, Кучук-Кайнарджы, Мажента, Маренго, Сольферино*).

Одна из частотных исторических ОМ в «Былом и думах» отсылает нас к имени Бирона, фаворита Анны Иоанновны. Так, «*роль Бирона*» сыграл, по мнению Герцена, наставник Огарева Зонненберг, немец по происхождению, резко изменивший патриархальные порядки в воспитании своего подопечного (ГЕРЦЕН 8: 80). Рассказывая об устройстве жизни в доме своей тетки княгини

М. А. Хованской, где воспитывалась будущая жена писателя, Герцен описывает компаньонку княгини – «сварливую и неугомонную женщину», которая управляла хозяйством и тиранила прислугу: «это был *Аракчеев, Бирон*, словом, первый министр» (ГЕРЦЕН 8: 317). Соотнесение Бирона с Аракчеевым неслучайно: в статье «Русские немцы и немецкие русские» (1859) Герцен описывает «тип Бирона», правительствующего немца, относящегося к России «с полным презрением и таковым же непониманием» (ГЕРЦЕН 14: 149), и «тип Аракчеева», «русского на манер немца», далеко превосходшего своего предшественника за счет «национального сочетания нагайки, розог и шпиц-рутена» (ГЕРЦЕН 14: 150).

Еще одной регулярной ОМ становится имя *Наполеон* (имеется в виду Наполеон III) в значении охранителя консервативных порядков, пользующегося всей полнотой власти. При этом за счет очевидного несоответствия масштабов личности между императором французов и теми, кому Герцен присваивает его имя, создается эффект, близкий к комическому. Так, «*политическим Наполеоном Жерсея*» писатель называет губернатора («или как там он у них называется») острова Джерси, который по приказу из метрополии (Лондона) распорядился выслать всех протестовавших против изгнания З. Свентославского – издателя «*L'Homme*», газеты французских эмигрантов в Англии, – в том числе В. Гюго (ГЕРЦЕН 11: 45). В другом месте Герцен рассказывает, что в 1861 г. во Франции все представители власти и должностные лица, включая самых незначительных, «мерещились» ему *Наполеонами*: «Не только жандармы, которые по положению своему немного императоры... но солдаты, сидельцы, гарсоны и особенно кондукторы железных дорог и omnibusов» (ГЕРЦЕН 11: 490).

Неоднократно в тексте мемуаров встречается имя Видока, парижского сыщика с криминальным прошлым. В русском культурном пространстве это имя с подачи А. С. Пушкина («Видок Фиглярин» в знаменитой эпиграмме) закрепилось за Ф. В. Булгариным, издателем и литератором, боровшимся с «литературной аристократией» и сотрудничавшим с III отделением. В аналогичном значении Герцен употребляет ОМ *Видок* («*журнальные Видоки*, особенно *наши москворецкие*» – ГЕРЦЕН 11: 279) по отношению к М. Н. Каткову, который опубликовал 23 апреля 1864 года в «Московских ведомостях» статью-пасквиль, направленную против Гарибальди, тепло принятого английским народом и посетившего дом Герцена. Сарказм и язвительность этой номинации уступают место теплой иронии, когда Герцен называет Видоком К. И. Зонненберга, помогавшего писателю обустраивать жизнь во время пребывания в ссылке. Гуляя в саду, где «главным предметом занятий и разговоров было волокитство и подсматривание друг за другом», Зонненберг «с *неусыпностью Видока* предался сентиментальному шпионству», тогда как сам Герцен был «камнем преткновения для *всей тайной полиции нашего сада*» (ГЕРЦЕН 8: 336). Писатель, относившийся к Зонненбергу с симпатией, использует ОМ *Видок*, имея в виду лишь качества сыщика, нивелируя семантику доноительства и предательства.

Важным источником ОМ в «Былом и думах» становятся имена деятелей Великой французской революции. Восхищаясь их непреклонностью, отвагой, целеустремленностью, Герцен в то же время часто употребляет их имена для того, чтобы охарактеризовать такие качества, как свирепость, фанатизм, беспощадность. Ср.: «Во Франции некогда была блестящая аристократическая юность, потом революционная. *Все эти С.-Жюсты и Гоши, Марсо и Демуллены, героические дети*, выращенные на мрачной поэзии Жан-Жака, были настоящие юноши» (Герцен 8: 151), и «Тюфяев [вятский губернатор – Р. В.] был бы *свирепым* комиссаром Конвента в 94 году, – *каким-нибудь Карье*» (Герцен 8: 236); «Студенты-барышники – якобинцы, *Сен-Жюст в амазонке* – все *резко, чисто, беспощадно*» (Герцен 11: 465). Русскую девушку, пришедшую в лондонский дом Герцена («черты ее печальны, щеки горят») и потребовавшую ответа: причастен ли он к петербургским пожарам 1862 г., писатель называет Шарлоттой Корде: «Ну, полноте... *играть роль Шарлотты Корде*, у вас нет кинжала, и я сижу не в ванне» (Герцен 11: 311). Характерно, что в одной из статей Герцен так характеризует убийцу Марата: «Ее превратили в „ангела убийства“, тогда как она была только мрачной фанатичкой» (Герцен 6: 246). В другом месте, говоря об «Обвинительном акте» Б. Н. Чичерина в адрес «Колокола», Герцен сравнивает его автора с Сен-Жюстом: «С *высокомерным* холодом нестигающегося доктринера, с *roideur* [фр. ‘непреклонностью’ – Р. В.] судии неумытного позвал он меня к ответу... Приемы *этого Сен-Жюста бюрократизма* удивили меня» (Герцен 11: 300). Высокомерие и крайняя непримиримость Сен-Жюста в отстаивании революционных идей в случае с Чичериным оказываются приложенными к «бюрократизму» – идеологии, для которой интересы государства превыше интересов общества. Тем самым Герцен подчеркивает неприемлемость подобных «приемов» вне зависимости от идейной позиции, на защиту которой они поставлены.

К историческим ОМ относится и одна из излюбленных стилистических фигур Герцена: перенос названия события из военной истории на какую-либо описываемую ситуацию. Чаще всего в подобных контекстах речь идет о победах, поражениях и перемириях. Так, «победы» начинающей парижской лоретки Герцен называет ее «*Маренго и Арколи*» (Герцен 11: 462), имея в виду победы наполеоновских войск над австрийцами при Арколе в 1796 г. и у Маренго в 1800 г. Ономастической метафорой завершается рассказ о разногласиях между отцом Герцена И. А. Яковлевым и его племянником Д. П. Голохвастовым, связанных с оформлением завещания. К счастью, общий язык был найден, «*ки семейное Кампо-Формио* было заключено» (Герцен 9: 182) (в Кампо-Формио в 1797 г. был заключен мирный договор между Францией и Австрией). С помощью военной ОМ описывается и примирение западников и славянофилов, определенное успехом лекций Т. Н. Грановского по истории Запада и вылившееся в новое идейное противостояние: «Попытка *нашего Кучук-Кайнарджис* очень скоро оказалась невозможной, и бой закипел с новым ожесточением» (Герцен 9: 166) (в лагере при деревне Кучук-Кайнарджи в 1774 году был подписан мир между Россией и Османской империей).

В числе метафор с семантикой поражения выделяются два наименования, демонстрирующие текстообразовательные возможности ОМ. Они реализованы в уже упоминавшейся главе «*Camicià rossa*». Текст главы во многом структурируется двумя связанными ОМ, обозначающими два последовательных моральных поражения британского премьер-министра Палмерстона, которые он потерпел в 1864 году во время визита в Лондон Дж. Гарибальди. Сначала, идя на поводу у Франции, премьер-министр принимает отставку члена парламента Стансфилда, обвиненного вместе с Маццини в подготовке покушения на Наполеона III. По Герцену, «Это была *Мажента*» (ГЕРЦЕН 11: 263). Вторым поражением Палмерстона становится высылка Гарибальди из Англии в угоду Наполеону III, недовольному царским приемом, оказанным англичанами итальянскому герою. По Герцену, «Это *Сольферино!*» (ГЕРЦЕН 11: 287). Моральные поражения Палмерстона сопоставляются с поражениями, нанесенными австрийской армии во время австро-франко-итальянской войны в течение одного месяца: 4 июня 1859 года в битве при Мадженте и 24 июня 1859 года в битве при Сольферино. Одним из оснований для двойной ОМ, несомненно, стало и то, что описываемые Герценом события также уложились в месяц: 4 апреля 1864 года была принята отставка Стансфилда, а 22 апреля Гарибальди покинул Англию.

К числу исторических ОМ следует отнести и яркий пример «объясняющей» метафоры Герцена, в котором именами двух драматургов – Шекспира и Расина – характеризуются целые «миры» – английский и французский: «Французу так дик, так непонятен мир самоуправления, децентрализации, своеобразно, капризно разросшийся, что он, как долго ни живет в Англии, ее политической и гражданской жизни, ее прав и судопроизводства не знает. Он теряется в неспетом разноначалии английских законов, как в темном бору, и совсем не замечает, какие огромные и величавые дубы составляют его и сколько прелести, поэзии, смысла в самом разнообразии. То ли дело маленький кодекс с посыпанными дорожками, с подстриженными деревцами и с полицейскими садовниками на каждой аллее. Опять – *Шекспир и Расин*» (ГЕРЦЕН 11: 36). Регулярность французской жизни Герцен уподобляет французскому регулярному саду и классицистической драматургии Расина, выстроенной по строгому канону, а «разноначалие» и разнообразие английских законов, прав и порядков ассоциируется с ландшафтом английского пейзажного парка и «необъятностью» шекспировского гения. Два имени становятся средоточием пространного рассуждения Герцена о несходстве английского и французского мировоззрения и, как следствие, невозможности для французских эмигрантов приспособиться к английской жизни. Так реализуется текстообразующая и когнитивная функция ономастической метафоры.

3.5. Современные ОМ. Метафоризация имен современников – частотное явление в тексте «Былого и дум». Подобные ОМ многочисленны и настолько разнообразны, что вряд ли имеет смысл классифицировать их по типу источника. Герцен прибегает к метафоризации имен как известных личностей, так и эпизодических персонажей. Многие из современных ОМ Герцена

обуславливаются ближайшим контекстом и поэтому сугубо окказиональны и непонятны читателю без подробного комментария.

Приводя надпись на надгробном памятнике князю Монако Флорестану I, который «*хотел* [выделено автором – Р. В.] делать добро своим подданным», Герцен саркастически называет «*нашим Флорестаном*» императора Николая Павловича, отрицательно оценивая его деятельность (Герцен 8: 304). Неоднократно встречается на страницах «Былого и дум» ОМ *Клейнмихель*, отсылающая к имени П. А. Клейнмихеля, министра путей сообщения Российской Империи в 1842–1855 гг. и беспрекословного исполнителя воли Николая I. «Статским Клейнмихелем» Герцен называет вятского губернатора К. Я. Тютюфьева, «настоящего царского слугу»: «Он бы мог быть *статский Клейнмихель*, его „усердие“ точно так же превозмогло бы все» (намек на девиз Клейнмихеля «Усердие все превозмогает») (Герцен 8: 250). В другом месте, говоря о фаворитах и наушниках из числа дворовых людей своего дяди Л. А. Яковлева, Герцен в составе целого ряда метафорических номинаций называет их «*Клейнмихелями конюшни*» (Герцен 8: 37). Данная ОМ основывается на близости Клейнмихеля к высочайшей персоне. В нескольких контекстах для обозначения жестокого помещика используется имя Л. Д. Измайлова, прославившегося самодурством и истязанием крестьян. Ср. характеристику, которую Герцен дает М. М. Долгорукому: «Это был *Измайлов на маленьком размере, князь Е. Грузинский без притона беглых в Лыскове*, то есть избалованный, дерзкий, отвратительный забавник, барин и шут вместе...» (Герцен 8: 241). К имени Измайлова добавляется имя Е. В. Грузинского, еще одного деспотичного помещика, который укрывал в своем имении беглых крепостных крестьян, выдавая их за собственных.

Многие современные ОМ Герцена объединены важной семантической особенностью: они относятся к так называемым «метафорам первой ступени». По классификации Е. С. Петровой, это такие ОМ, которые обозначают одновременно и своего первоначального носителя, и некоторый класс сходных с ним лиц, предметов, явлений (Петрова 2006: 180). Чаще всего ономастические «метафоры первой ступени» реализуются в речевых моделях множественности или сочетаниях с местоимениям *какой-нибудь* – то есть в контекстах, предназначенных для выражения иронии или отрицательной оценки. Ср. ряд примеров: «Около него [Н. Б. Юсупова – Р. В.] была целая плеяда седых волокит и esprits forts [фр. ‘вольнодумцев’ – Р. В.], *всех этих Масальских, Санти и tutti quanti*» (Герцен 8: 87); «Неистовство *Руничей и Магнитских* обратилось на *Руничей и Магнитских*» (Герцен 8: 283); «Для меня всегда были ужасны, смешны и бессмысленны официальные таскания мужа и жены, и чем выше, тем смешнее; зачем *какой-нибудь императрице Евгении* являться на кавалерийское учение и зачем Виктории возить своего мужчину, le Prince Consort, на открытие парламента, до которого ему и дела нет» (Герцен 9: 242).

ОМ «первой ступени» целиком привязаны к исходному носителю имени, в них вырабатывается не столько перенесенное, сколько обобщенное значение. Ср.: «Еще летом 1848 завел Сазонов международный клуб. Туда

он привел *всех своих Тардифов*, немцев и мессианистов» (ГЕРЦЕН 10: 329). ОМ *Тардифы* обозначает целый «двор разных посредственностей», который собрал вокруг себя в Париже публицист и участник кружка Герцена 30-х годов Н. И. Сазонов. Помимо собственно «поврежденного Тардифа-де-Мело», в этот «двор» входили «поденщики журнальной барщины, ветошники фельетонов, вроде тощего Жюльвекура..., неизвестного, но великого поэта Буэ», «ограниченнейшие поляки из товянщизны и тупоумнейшие немцы из атеизма» (ГЕРЦЕН 10: 324–325).

Метафоризации у Герцена могут подвергаться и имена эпизодических персонажей, не связанных с общественной, культурной, политической деятельностью. Так, выручив легкомысленную танцовщицу Леонтину из затруднительного положения, когда она была арестована за «неподобающее поведение», Герцен затем рассуждает об этом типе молодой парижанки и его судьбе. Имя Леонтины подвергается метафоризации и становится обобщенным обозначением типа: «Недосужий, мясной разврат взял верх над всеми фиоритурами. Тело победило дух, и... Марго, la fille de marbre, вытеснила Лизетту Беранже и *всех Леонтин* в мире» (ГЕРЦЕН 11: 459–460). Тип Леонтины уподобляется гризетке Лизетте из песни Беранже и противопоставляется циничной и беспощадной куртизанке Марко из пьесы Т. Барьера и Л. Тибу «Les filles de marbre» (Мраморные девы), поставленной в Парижской опере в 1847 году и имевшей большой успех.

Как показывает анализ, Герцен в большинстве случаев прибегает к метафоризации имен современников тогда, когда стремится к выражению иронии, сарказма, отрицательной оценки любых оттенков. Именно этим объясняются контекстные особенности употребления таких ОМ: создание «метафор первой ступени», употребление ИС в форме множественного числа и с такими распространителями, как *какой-нибудь*, *всякие*, *все эти* и т. п.

3.6. Географические ОМ. Метафоры этого немногочисленного класса представлены топонимами – географическими наименованиями, которым в контексте «Былого и дум» или в общем историко-культурном контексте приписываются те или иные коннотации. Метафоризации подвергаются названия стран (*Австрия, Бельгия, Китай, Персия, Пруссия, Швейцария*), городов (*Брауншвейг-Вольфенбюттель, Вятка, Дармштадт, Кай, Кобленц, Манчестер, Тюбинген*), губерний (*Воронежская губерния, Рязанская губерния*), частей света (*Америка*), природных объектов (*Беловежская пуца, Средиземное море*).

По содержательной емкости географические ОМ Герцена варьируют от «метафор первой ступени» до метафор, определяющих идейное содержание текста. Среди первых можно отметить такое наименование, как *город Кай*: «...он [Тюфяев – Р. В.] непременно услад бы меня в *какой-нибудь заштатный город Кай*, если б его не прогнали самого...» (ГЕРЦЕН 8: 295). Название Кая, одного из наиболее удаленных городов Вятской губернии, куда направлялись ссыльные, становится регулярным для Герцена обозначением отдаленного места ссылки.

С помощью метафорически переосмысленных топонимов в «Былом и думах» иногда характеризуются различные предметы и явления действительности, как конкретные, так и отвлеченные. Например, рассказывая о знакомстве с В. В. Пассеком, Герцен пишет: «Встреча с Вадимом ввела новый элемент в нашу Запорожскую сечь» (Герцен 8: 137). Посредством такой ОМ кругу друзей-единомышленников, в который, помимо Герцена, входили Н. П. Огарев, Н. М. Сатин, Н. И. Сазонов и А. Н. Савич, приписываются свойства казачьего товарищества и вольницы: «мы спорили целые ночи напролет, а иногда целые ночи кутили» (Герцен 8: 137–138). С именем Пассека связана и еще одна географическая ОМ, на этот раз отвлеченного типа. За связи его «с злоумышленными людьми» – с кругом Герцена, сосланного в Вятку, – он был лишен должности. «Вадим остался без места, то есть без хлеба, – вот его *Вятка*» (Герцен 8: 141), – пишет Герцен, вкладывая в метафору горечь и сочувствие другу и его семье, обреченным на тяжелые испытания.

Дважды в «Былом и думах» встречается ОМ *Беловежская пуща*, причем как в конкретном, так и в абстрактном значении. С одной стороны, «*Беловежской пущей из мрамора*» Герцен называет Миланский собор, «этот каменный лес..., эту гору сталактитов» (Герцен 11: 443), а с другой стороны, в главе, посвященной эмигрантам из разных стран в Англии, писатель рассказывает о немецких изгнанниках, которые «потерялись в *Беловежской пуще лондонской жизни*» (Герцен 11: 182–183). В обоих случаях основанием для метафоры становится представление о дремучем непроходимом лесе, в котором легко заблудиться.

Среди географических ОМ в «Былом и думах» выделяются две номинации, с помощью которых Герцен точно формулирует важные для идейного содержания текста тезисы. Один из них посвящен перспективам развития Сибири, богатейшего региона, который «так скверно управляется». Роль Сибири, «страны между океаном, южной Азией и Россией», чрезвычайно важна – особенно в свете того, что «Тихий океан – *Средиземное море будущего*» (Герцен 8: 256). Центральное географическое положение Средиземного моря, на протяжении тысячелетий окруженного развитыми цивилизациями, сделало средиземноморский регион средоточием культурного, политического и экономического обмена. Подобную перспективу – уже в гораздо большем масштабе – Герцен с помощью ОМ предсказывает Тихому океану и окружающим его государствам. Точность формулировки способствовала тому, что, согласно примечанию писателя, «нью-йоркские журналы несколько раз повторили это» (Герцен 8: 256).

В 1867 году, побывав в Венеции, только что вошедшей в состав объединенного Итальянского королевства, Герцен задумывается о будущем обновленной и независимой Италии, которое последует за неизбежным и скорым взятием Рима. Позиция писателя двойственна. Отдавая должное «религии» Маццини и Гарибальди – «знамени, с которым Италия завоевала себя» (Герцен 9: 475), Герцен видит «бедность» итальянского идеала освобождения, ибо «итальянская революция была до сих пор боем за независимость»

(Герцен 11: 472–473). Отсюда возникает тезис о том, что «Рим – Америка Маццини» (Герцен 11: 476). Присоединение Рима, который должен стать итальянской столицей, – тот предел, к которому беззаветно стремится идеал «великого карбонаро», тогда как «дальнейших зародышей *viabiles* [фр. ‘жизнеспособных’ – Р. В.] в его программе нет – она была рассчитана на борьбу за единство и Рим». Маццини уподобляется здесь Колумбу, которому «в виду берега... стоило плыть и нечего было употреблять все силы своего неукротимого духа». Нечто подобное усматривает Герцен и в российской действительности, где после отмены крепостного права «сила слова» тех, кто боролся за освобождение, постепенно сошла на нет (Герцен 11: 476). Лаконичная ОМ становится ядром герценовской мысли. Пронизывая окружающий текст далеко идущими сближениями и ассоциациями, она организует текстовую структуру на глубинном идейном уровне.

Подводя итог семантическому анализу ОМ в «Былом и думах», следует еще раз подчеркнуть такие новации Герцена, как невероятно обширный круг ИС, подвергающихся метафоризации, и значимость этой фигуры речи для выстраивания композиции и концептуальной структуры текста. Кроме того, ОМ, за которой уже до Герцена была закреплена функция познания и интерпретации действительности, в «Былом и думах» становится одним из фундаментов герценовской «объясняющей метафоры». Яркость и точность ономастических формулировок, притягивающих к себе сложные идейные комплексы, свидетельствуют о блестящей и едва ли не исчерпывающей реализации Герценом потенциала ОМ в единстве трех ее функций: стилистической фигуры, элемента текстообразования и когнитивного механизма.

4. Контекстная выразительность ономастической метафоры в «Былом и думах»

Одной из новаций Герцена в области русской ОМ является усиление ее контекстной выразительности. Прежде всего, это проявляется в творческом развитии системы *речевых моделей ОМ*, которая оформилась и устоялась в русском литературном словоупотреблении к середине XIX века. К числу таких моделей относятся контексты с препозитивными распространителями: «новый + ИС», «второй + ИС», «русский + ИС», «какой-нибудь + ИС», «наш + ИС», «будущий + ИС», «современный + ИС» и т. д., постпозитивные контексты, выраженные моделью «ИС + *род. п.*», а также контексты множественности, характерные, в основном, для ОМ «первой ступени» и нередко осложняемые местоименными указателями: «все эти + ИС в форме мн. ч.», «всякие + ИС в форме мн. ч.» и т. д. (подробнее см. Воронцов 2012).

Герцен в полной мере воспринимает традицию употребления ОМ в составе типизированных контекстов и дополняет сложившуюся систему рядом индивидуальных особенностей. Так, среди препозитивных распространителей ОМ в «Былом и думах» регулярно встречаются следующие: *новый* –

«В сороковых годах умы в Германии были сильно возбуждены. Можно было ожидать, что народ этот, посевший за книгой, как Фауст, захочет наконец, как он, выйти на площадь посмотреть на белый свет. Мы знаем теперь, что это были ложные потуги, что *новый Фауст* из Ауэрбахова погребка возвратился вспять в штудирциммер» (Герцен 10: 242–243); *наш* – «Когда я думаю о том, как мы двое [Герцен и Огарев – Р. В.] теперь, под пятьдесят лет, стоим за первым станком русского вольного слова, мне кажется, что *наше ребячье Грютли* на Воробьевых горах³ было не тридцать три года тому назад, а много – три!» (Герцен 8: 12); *будущий* – «...она [жена Г. Кинкеля – Р. В.] поддерживала его в мысли, что он гений, по крайней мере не хуже Лессинга, что Германии в нем готовится *будущий Штейн*»⁴ (Герцен 11: 155); *какой-нибудь* – «И как семьдесят лет тому назад сухой деист Робеспьер казнил Анахарсиса Клоца, так *какие-нибудь Вагнеры* отдали бы сегодня Фогта в руки палача»⁵ (Герцен 10: 173–174); оттопонимические прилагательные – «Его [А. Л. Витберга – Р. В.] непреклонной воли, его благородного вида, его смелой речи, его презрительной улыбки боялся сам *вятский Шемяка* [К. Я. Тюфяев – Р. В.]» (Герцен 8: 344). Помимо этого, Герцен регулярно использует речевые модели ОМ, распространяемые прилагательным *невский* и обозначениями возраста персонажа. Ср.: «...во время совершенного помрачения духа *нашего неевского Саула* [Николая I – Р. В.]» (Герцен 9: 199); «...я побаивался tête à tête с *моим невым Клод Лорреном* [гравером и пейзажистом С. М. Воробьевым – Р. В.]» (Герцен 11: 452); «Мы воротимся еще когда-нибудь, – говорил мне *сорокалетний геркулес* [пиренейский крестьянин – Р. В.]...» (Герцен 11: 57); «Вы не слышали..., как идут дела *нашего сорокапятилетнего Вертера* [А. Виллиха – Р. В.] с баронессой?» (Герцен 11: 151).

Традиционный постпозитивный распространитель ОМ – имя существительное в форме родительного падежа – регулярно используется Герценом. Ср.: «Оттого-то ей [Деве Марии – Р. В.] и было так легко победить холодную Афродиту, *эту Нинону Ланкло Олимпа*, о детях которой никто не заботится» (Герцен 8: 387); «Зато со стороны Чичерина стали: Елена Павловна – *Ифигения Зимнего дворца*, Тимашев, начальник III Отделения, и Н. Х. Кетчер» (Герцен 9: 249–250). В то же время именно постпозиция в речевых моделях ОМ становится основным полем герценовских экспериментов; варианты постпозитивного распространения ИС в «Былом и думах» чрезвычайно разнообразны. Ср.: «В „Страшном суде“ Сикстинской капеллы, в *этой Варфоломеевской ночи на том свете*, мы видим сына божия, идущего предводительствовать казнями» (Герцен 8: 387); «Сикстинская мадонна – это *Миньона*

³ Клятва «пожертвовать нашей жизнью на избранную нами борьбу» (Герцен 8: 81), данная Герценом и Огаревым друг другу, сравнивается с клятвой бороться за свободу отечества, которую дали на лугу Грютли представители трех швейцарских кантонов в 1301 году.

⁴ Имеется в виду Г. Ф. Штейн (1757–1831), прусский государственный и политический деятель, обеспечивший экономическое процветание Пруссии.

⁵ Р. Вагнер (1805–1864) – немецкий физиолог, поддерживал спиритуалистическое направление в естествознании против материалистического направления К. Фогта (1817–1895).

после родов; она испугана небывалой судьбой, потеряна...» (Герцен 8: 387); «Мы были полны теоретических мечтаний, мы были *Гракхи и Риензи в детской...*» (Герцен 9: 161). Любопытный пример представляет характеристика, которую Герцен дает дворовым фаворитам своего дяди Л. А. Яковлева: «это *Клейнмихели конюшни, Бенкендорфы от погребя, Перекусихины в затрапезном платье, Помпадур на босую ногу...*» (Герцен 8: 37). Имена государственных деятелей и приближенных к императорам и королям в сочетании с бытовыми деталями, данными в постпозиции к ОМ, низводятся на уровень барских слуг, чем и подчеркивается презрительное отношение автора как к тем, так и к другим.

Одним из частотных контекстов у Герцена становится модель «ИС + без + род. п.». Так, говоря о невозможности применения в России талантов М. А. Бакунина, Герцен пишет: «Но здесь, под гнетом власти царской, – *Колумб без Америки и корабля*, он, послужив против воли года два в артиллерии да года два в московском гегелизме, торопился оставить край, в котором мысль преследовалась как дурное намерение и независимое слово – как оскорбление общественной нравственности» (Герцен 10: 315–316). В другом месте Екатерина II, взошедшая на престол после убийства Петра III, именуется так: «*эта леди Макбет без раскаяния, эта Лукреция Борджиа без итальянской крови*» (Герцен 8: 133). Подобное употребление позволяет исключить из свойств первоначального носителя имени те, которые неприменимы к новому референту, и тем самым конкретизировать основание метафорической номинации.

Для Герцена характерно использование модели однородного ряда метафорически переосмысленных ИС. Подобное употребление встречается еще у Карамзина, а затем расцветает в литературной критике 30-х годов XIX века. Герцен в данном случае идет вслед за традицией, но в то же время привносит одну специфическую особенность. В однородных рядах ОМ у Герцена часто сочетается, на первый взгляд, несочетаемое, сталкиваются очень отдаленные друг от друга образы, благодаря чему создаются объемные и глубокие «объясняющие метафоры». Так, например, в только что цитировавшемся примере, посвященном Екатерине II, литературная ОМ соседствует с исторической. Исключая из основания метафоры два признака (раскаяние леди Макбет, итальянскую кровь Лукреции Борджиа), Герцен как бы укрупняет масштаб злодеяния «русской царицы немецкого происхождения» (Герцен 8: 133), совершенного расчетливо и хладнокровно.

В абсолютно другом контексте имя Екатерины II само становится источником ОМ, оказываясь в соседстве с именем Мессалины, жены римского императора Клавдия, прославившейся своим властолюбием и распутностью: «Имея наследственных две-три тысячи душ..., многое можно – интриговать на игорных водах, эксцентрически одеваться, лежа сидеть в коляске, свистать, шуметь, делать скандалы в ресторанах, заставлять краснеть мужчин, менять любовников, ...можно быть *Мессалиной и Екатериной* – но, как мы сказали, лореткой быть нельзя...» (Герцен 11: 462). Именами Мессалины и

Екатерины обозначаются здесь русские барыни, которые пытаются (по мнению Герцена, безуспешно) подражать в повседневной жизни поведению парижских лореток.

В некоторых случаях «сочетание несочетаемого» в однородном ряду ОМ подчеркивается дополнительным распространителем *вместе*. Ср.: «Прошрое столетие произвело удивительный кряж людей на Западе, особенно во Франции, со всеми слабостями регентства, со всеми силами Спарты и Рима. *Эти Фоблазы и Регулы вместе* отворили настежь двери революции и первые ринулись в нее, поспешно толкая друг друга, чтоб выйти в „окно“ гильотины» (Герцен 8: 87). Имя персонажа гривуазного романа соседствует с именем консула Римской республики, ставшего олицетворением доблести и верности долгу. Соединяя эти ОМ в одном контексте, Герцен создает глубокий обобщающий образ нескольких поколений французов XVIII века и предлагает нетривиальный взгляд на итоги Великой французской революции.

5. Заключение

«Былое и думы» – вершина герценовского реализма, в полной мере воплотившая в себе художественный метод автора на завершающем этапе его развития. На всем протяжении писательского пути одной из важнейших черт стиля Герцена являлась метафоричность. При этом метафора Герцена эволюционировала вместе со стилем: от романтической метафоры с присущими ей дуализмом и эмоциональностью к метафоре реалистической, «объясняющей», направленной на изучение объективной действительности. Традиционная, шаблонная метафора с повышенной экспрессивностью, характерная для ранних произведений Герцена (иногда встречающаяся и в «Былом и думах»), перешла в метафору познавательную, каждый раз совершающуюся заново, привлекающую все новые и новые ассоциации, отражающую авторский мыслительный процесс.

Ономастическая метафора также прошла подобный путь: риторическая антономазия, почерпнутая романтической литературой из старой аристократической культуры художественного выражения, к середине XIX века, на фоне общей демократизации стилей русского литературного языка, сформировалась как регулярное семантическое явление: определилась ее стилистическая функция, закрепилась система речевых моделей, стали осознаваться ее познавательные возможности.

Для зрелого Герцена этот прием – с его огромным языковым, речевым, текстовым, экспрессивным, историко-культурным и когнитивным потенциалом – оказался настоящей находкой. Используя широчайший спектр источников ОМ, подбирая лаконичные, точные и яркие ономастические формулировки, выстраивая вокруг них текстовые структуры и комплексы идей, Герцен возвел ОМ на небывалый художественный уровень и сделал ее поистине «объясняющей».

Литература

- Аполлос 1781 = Аполлос [Байбаков А. Д.]: *Словарь пиитико-исторических примечаний*. Москва, 1781.
- Белинский = Белинский В. Г. *Собрание сочинений в 9 томах*. Москва, 1976–1982.
- БЕРКОВ–МОКИЕНКО–ШУЛЕЖКОВА 2005 = БЕРКОВ В. П., МОКИЕНКО В. М., ШУЛЕЖКОВА С. Г. *Большой словарь крылатых слов русского языка*. Москва, 2005.
- ВОРОНЦОВ 2012 = ВОРОНЦОВ Р. И. *Ономастическая метафора в русском литературном языке*. Дисс. ... канд. филол. наук. Санкт-Петербург, 2012.
- ГЕРЦЕН = ГЕРЦЕН А. И. *Собрание сочинений в 30 томах*. Москва, 1954–1965.
- ГИНЗБУРГ 1957 = ГИНЗБУРГ Л. Я. *«Былое и думы» Герцена*. Москва, 1957.
- ЖЕЛВАКОВА 2010 = ЖЕЛВАКОВА И. А. *Герцен*. Москва, 2010.
- КАРАМЗИН 1984 = КАРАМЗИН Н. М. *Письма русского путешественника*. Ленинград, 1984.
- ЛОМОНОСОВ = ЛОМОНОСОВ М. В. *Полное собрание сочинений и писем в 11 томах*. Москва–Ленинград, 1950–1983.
- МАКСИМОВА 1968 = МАКСИМОВА М. К. Метафорическое использование собственных имен у А. И. Герцена. В кн.: *Проблемы русского языкознания. Ученые записки ЛГПИ им. А. И. Герцена*. Т. 281. Ленинград, 1968. 349–376.
- НОВИКОВ 1983 = НОВИКОВ Н. И. *Избранное*. Москва, 1983.
- ПЕТРОВА 2006 = ПЕТРОВА Е. С. Метафора и метонимия антропонимов: градуальность и конвергенция. В кн.: ЗЕЛЕНЩИКОВ А. В., МАСЛЕННИКОВА А. А. (ред.) *Метафоры языка и метафоры в языке*. Санкт-Петербург, 2006. 173–189.
- ПУШКИН = ПУШКИН А. С. *Полное собрание сочинений в 10 томах*. Ленинград, 1977–1979.
- ФИЛИН 1981 = ФИЛИН Ф. П. (ред.) *Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века*. Москва, 1981.